

такъ увѣренно становится на колѣни передъ монахомъ, сложивъ чашечкой руку на руку, а потомъ на цыпочкахъ ступаетъ по песку, „отчего сапоги только громче скрипятъ“, — развѣ онъ не вошелъ уже навсегда въ русскую литературу вмѣстѣ со своей „корпусной“ дочерью, „нерастенихой“, которая, по его словамъ, послѣ скоростижной смерти матери ахнула и съ тѣхъ поръ повредилась? Или — Пашенька, которая „ужъ давно была не Пашенька, а старая, высохшая, сморщенная Прасковья Михайловна, теща неудачника“, учительница музыки у купцовыхъ дочекъ въ уѣздномъ городѣ, этой горькой музыкой питающая цѣлую семью, замученная и все же не ропщущая, — вотъ развѣ что въ церковь нельзя идти: новенькаго нѣтъ, а оборванной совѣстно... И даже одну изъ богомолокъ мы явственно видимъ, особенно потому, что Толстой велѣлъ купцу крикнуть ей: „Ты, тетка, черныя онучи, ступай, ступай“...

Герой „Отца Сергія“, князь Касатскій, такъ же не могъ быть монахомъ, какъ графъ Толстой не могъ быть толстовцемъ. Жизнь не кристаллизуется, живое не цѣпенѣетъ. А Касатскій былъ живъ даже въ недостаткахъ своихъ, или, вѣрнѣе, уже ими одними доказывалъ свою жизненность (въ моихъ глазахъ только одно дѣлаетъ его образъ недостаточно мотивированнымъ, недостаточно оправданнымъ психологически: его невѣста, графиня Короткова, въ моментъ страшнаго признанія, что она